

Сатанар Марианна Тимофеевна,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск.

E-mail: satanar68@mail.ru

ЭПИТЕТ «УС САХА, ТҮӨРТ САХА» В РАКУРСЕ ТЕОРИИ ЧИСЕЛ¹

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотрения и анализа информационной структуры постоянной эпической формулы *ус саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ* в ракурсе мифологического мирозерцания с учетом этнических особенностей мышления, которая не была еще специальным полем исследований. Целью является выявление метаязыка эпической формулы *ус саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ* (букв. «когда три якута еще не явились на свет, четыре якута еще не родились»). Устойчивость термина «саха», аргументируемый обзором исторических материалов разных эпох, подтверждаемый внутренними законами языка, дает некий фундамент для препарирования его смысла. Подход для определения архаического значения «саха» опирается на особенностях мифологического мировоззрения, строящемся по принципам мифологического мышления. В ходе поэтапного исследования выявлено, что закодированное в слове «саха» сведение репрезентируется как «мыслящее живое существо», следовательно «человек», а заархивированная внутренняя организация структуры эпической формулы *ус саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ* передает сообщение «когда человек-мужчина и человек-женщина еще не родились» (условно, «когда все человечество еще не появилось»), содержащий отголоски древних мировоззренческих установок. Автором статьи, без вступления в противоречие с концепцией многокомпонентности этноса саха, выдвигается гипотеза фиксирования центрального элемента – общей подпочвы общности «саха», открывающей новые возможности понимания периферийных ветвей происхождения многих этнонимов.

Ключевые слова: олонхо, саха, эпическая формула, метаязык, семантическая структура, число.

Семантическая особенность слова в текстах эпических произведений должен пониматься следующим образом: лексическое толкование слова есть внешний слой, и слово должно восприниматься

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

как ярлык некоторого сообщения, представляющего собой суть более высокого уровня [15, с. 209]. При этом нельзя игнорировать то, что этот семантический язык, или метаязык, определяющий глубинные смысловые структуры текста, связан с первобытной логикой, основанной на синкретическом, целостном чувственном мировосприятии. В якутских ориентирах, специальными обстоятельными работами по семантической структуре космологических воззрений *олонхо* являются исследования С.К. Колодезникова, А.И. Гоголева, Р.И. Бравиной, Л.Л. Габышевой, Е.И. Избековой, А.С. Поповой и др. Итак, нас интересует не узко лексическое значение слова эпической формулы, а его «двойная природа», где слово репрезентируется как закодированное сообщение, характеризующееся своей внутренней структурой.

Эпическая формула *үс саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ* «когда три якута еще не явились на свет, четыре якута еще не родились», представляя собой основную идею мифологического эпоса, обращенной к «первоначальным временам», привлекает к себе внимание не только как элемент, повторяющийся в различных текстах с особым постоянством, но и встречающимся в других жанрах устной коллективной памяти, литературе, а также, способностью трансформироваться в семиотические функции ритуалов, поверий и т. д.

Анализ вышеизложенной эпической формулы, заслуживающий пристального внимания, еще не был предметом специального исследования ученых. Лишь в незначительной мере она упомянута в научных материалах. Из наиболее ранних источников, часть словосочетания зафиксирована во II-м томе словаря Э.К. Пекарского, датируемого 1895 г., представленная в качестве одного из примеров к основному слову «саха» – *үс саха куолута*, выделенный автором как «старинное выражение», и переведенный как «повсеместный обычай» [8, Т.2, стлб. 2135], и в III-м томе при переводе слова *үс* «три», сопровождающегося несколькими примерами, находим *үс саха тыла оннук, үс дойду барыта билэр* «все знают, все так думают», что дополнено редактированием В.М. Ионова как «слова трех якутов таковы, все три страны знают» [8, Т.3, стлб. 3184]. В «Опыте словаря тюркских наречий» академика В.В. Радлова (1893 г.), приводятся омонимы слов *үс* и *үч* (забытые, устаревшие), где в одном

из версий значение *үч* интерпретируется как «кровное родство» [4, с. 90]. Исходя из этих данных, в научном обороте доминирует трактовка *үс саха, түөрт саха* «три якута, четыре якута» как обозначение не реального количества, а общего понятия множественности. Так, в своих топонимических исследованиях М. С. Иванов выделяет, что *Үс Бүлүү – Бүлүү бүтүннүүтэ, үс саха – саха омузун бүтүннүүтэ* «Три Вилюя – весь Вилюй, три якута – весь якутский народ» (перевод автора) [4, с. 88]. Е.С. Сидоров в статье «Из символики чисел» отмечает числительное три в трактовке «все», откуда *үс саха* «три якута» интерпретирует как «все якуты» [10, с. 38]. Аналогично суждение Л.Л. Габышевой, что использование слова *үс* «три» в словосочетании *үс саха* означает «много», «все» [2, с. 37], такой же позиции придерживается и Е.И. Избекова, исследовавшей числительные *олонхо* в культурно-этнографическом контексте [5, с. 47]. Следует подчеркнуть, что в научной литературе обращение к эпитетному двучлену *үс саха* доминирует над *түөрт саха*. Частично проблема эта затронута в монографии Е.И. Избековой, где автор акцентирует свое внимание на органическое слияние числительного «три» с существительным «саха», на использовании данного словосочетания в смысле «весь народ» и «все человечество», указывая фиксирование во многих текстах [5, с. 126]. Предпочтение в пользу числительного *үс* «три» диагностично, и оно более подробно рассмотрено в предыдущей статье автора [9, с. 201].

По структуре и сюжетному построению *олонхо*, подвергаемая анализу формула наблюдается в самом начале – традиционном описании стародавней картины мира, когда начинает разворачиваться зачин повествования с упорядоченной точки отсчета эпического первоначального времени. Также, исследуемая эпическая формула обычно используется сказителями и в конце *олонхо*, в традиционном описании *уруу* свадьбы богатыря, сопровождающейся *алгыс* благословением для счастливой и богатой жизни молодых.

Прежде всего, заметим, что исследуемой формуле присущи и поверхностный, и глубинный уровни осмысления. Лежащая на поверхности информация сразу отсылает нас к идее далекого мифического времени, когда срединная земля еще не была заселена *саха*. Выделим в формуле основные семантически нагруженные слова, это – словосочетание *үс саха, түөрт саха* «три якута, четыре якута»,

в виде сочетания числительных с существительным. Известно, что в текстах архаических эпосов эпическим числительным свойственна сакральная символика. В исследуемой формуле числовыми символиками наделяется слово *сах*, потому уместно вначале обратить внимание именно на этот термин. Нас интересует семантическая структура компонента *сах*, а именно какую внутреннюю «свернутую» информацию несет в себе это слово?

Не затрагивая спорную проблему происхождения якутов, подчеркнем, что при внимательном обзоре исторического материала о якутах с XVII в., начиная с записей И. Идеса, Ф. Страленберга, Г. Миллера, И. Фишера, через всю цепь фактических данных красной нитью проходит мысль о стабильном и устойчивом присутствии термина *сах*. В виду того, что, во-первых, основа языка отъединилось от тюркского ядра в древние времена и функционировала обособленно и самостоятельно; во-вторых, на основании действия закона экономии речеслуховых усилий (связанных с универсальными понятиями психолингвистических мезанизмов), где работает принцип «чем короче слово, тем оно менее подвержено эволюционному развитию»; в третьих, в силу констатации статического поведения исследуемого термина в употребляемой живой речи; и наконец, в четвертых, на базе устойчивого присутствия термина «сах» в структуре древних мифологических версий якутов, можно заключить, что термин «сах» носит реликтовый характер.

Необходимо подчеркнуть, что Г.В. Ксенофонов с высоты науки своего времени, все-таки был склонен выдвигать свою версию, базирующейся на мифологических воззрениях: происхождения самоназвания *сах* от древнего мифологического названия божества *Сах*, олицетворяющего Солнце, а якуты – солнцепоклонники, следовательно *сах* логично понимается как люди *Сах'а* [7, с. 246]. В предлагаемой работе мы придерживаемся тех же принципов.

Исследователи отмечают, структуральный подход адекватно применим к понятиям, устойчивым во времени. Дефиниция внутренних элементов структуры концепта *сах* отражает две ядерные семы, и семантический метаязык его – *санаалаах харамай* (букв. «живое существо с мыслью») либо «мыслящее живое существо» (перевод автора). Относительно первой составляющей структуры, образная ассоциация *санаалаах* «с мыслями» идентична с вариан-

тами «с думами», «с помыслами». В словаре Э.К. Пекарского *санаалаах* означает «имеющий намерение, умысел», «имеющий мысль, мнение, взгляд», «думный, умный, смысленный, рассудительный», «думающий, задумчивый» [8, Т.2, стлб. 2071-2072]. В большом толковом словаре якутского языка развернутое толкование значения слова *санаа* дается в вариантах: *киһи өйүн үлэтэ, өйө* «мышление, мысль, дума, память, ум», *киһи туох эмит туһунан өйдөбүлэ, өйүнэн быһаарыта* «понятие, представление о чем-либо, размышление, мысль, убеждение, взгляды», *киһи өйүнэн-дууһатынан туохха эмит баҕата, ону тэнэ тугу эмэ онгорорго туох эмэ өйү булуунута* «стремление человека в мыслях к осуществлению чего-либо, желание, намерение» [12, с. 214-215]. Касаемо второй составляющей структуры, Э.К. Пекарским интерпретировано, что *хамныыр харамай* означает «все движущееся», *тыыннаах харамай буолар* означает «жизнь», *тыыннаах харамай гынааччы* – «животворящий» [8, Т.3, стлб. 3338], откуда полагаем, что слово *харамай* в архаическом виде означало «живность», в силу обстоятельств отсутствия такой трактовки в современных толковых словарях якутского языка.

Мировоззренческая установка структуры концепта *сахы* – *санаалаах харамай* «мыслящее живое существо» объясняется тем, что мифологическое сознание отождествляло людей с животными, насекомыми, деревьями, т. е. со всей живностью. Показательны примеры с аналогичной логикой. В трудах фольклориста М.И. Шахнович находим, что для предков северо-американских индейцев природные объекты (растительный мир, Солнце, Луна и т. д.) отождествлялись с людьми, также бытовало представление, что и в животном, и в растительном мире объекты могли разговаривать между собой [14, с. 88]. Или: некоторые племена Африки буквально становились в тупик, не понимая разницы между человеком и буйволом, будучи убежденными в умении буйволов стрелять из лука точно так же, как человек [14, с. 32]. Таково было синкретическое древнее сознание. При разборе отношений входящих в концепт *сахы* – *санаалаах харамай* элементов, качественно информативным семантическим потенциалом обладает прилагательное *санаалаах* «мыслящее». Лишь человек, в отличие от растительного, насекомого, животного мира является разумным существом, наделенным мышлением, волей, характером. И как писал А.Н. Чанышев, действительно

особенность мифологического мышления прежде всего заключается в проявлении метода аналогии, подобия [13, с. 47], посредством которого, картина мира изображается через образные системы, ассоциирующиеся с понятиями животного и растительного мира, а далее постепенно возводится главное отличие человеческого существа – умение мыслить. Итак, внутреннее развернутое сообщение слова «саха» выглядит как *санаалаах харамай* «мыслящее живое существо», по-другому – человек.

Далее, косвенным доказательством такой интерпретации служат и записи исследователей Э.К. Пекарского «саха – в старину: человек» [8, Т.3, стлб. 2134], и В.Ф. Трощанского «в старину слово саха употреблялось только в смысле человека» [11, с. 12]. С позиций констатации семантики концепта *саха* в виде *санаалаах харамай*, нельзя не отметить соответствие корня *хара* слова *харамай* с древней охотничьей якутской лексикой в виде слова-оберега *хара* (букв. «черный»), употребляемого вместо слова «человек» [6, с. 96]. Отрадно, что и сегодня, в народе широко бытует выражение *киһи-хара буол* (букв. «стань человеком-черным») означающий «стань настоящим человеком», *киһи-хара гын* (букв. «помоги стать человеком-черным») «помоги стать истинным человеком». Семантическая особенность слова *хара* с широким привлечением фольклорных текстов, распространенного как в древних, так и современных тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках основательно исследована Л.Л. Габышевой [3, с. 90-103]. Отрывок с *олонхо* – *киһилии кэпсээтэ, сахалыы сангарда* (букв. «по-человечески сказывать стал, по-саха вещать начал» (пер. автора)) является постоянным эпитетом, встречающимся во всех текстах.

Необходимо качественно отличить *саха* в значении этнос, и *саха* в значении человек. И здесь мы вплотную подходим к спорным вопросам происхождения самоназвания *саха*, а отсюда и этногенеза народа *саха*. При этом мы солидарны с высказыванием А.Я. Якубовского, что хотя история имени народа взаимно связана с историей его образования, нельзя ставить в параллель такие понятия, как этническая история народа и история этнонима [16, с. 18-19]. Цель нашего исследования не включает анализ всех вариантов этногенетического аспекта самоназвания *саха*, мы лишь обобщим: из данных исторических источников разных эпох, о существовавших

названиях племен, родов, народов – японские племена *сахэги*, китайский род *сайхачжэ*, племена Амура *сахарча*, *сахальянь*, маньчжурские роды *сахальянь-аймань*, *сахалча*, древние *саки*, индийский народ *сахария*, узбекский род *саханкул*, афганский род *шакайды*, казахский – *шага*, киргизский – *сака*, алтайский – *сагат*, хакасский – *сагай*, теленгито-чуйский – *сакал*, туркменские племена *сакавы*, *сакар*, *сака*, тибетские *соки*, уйгурский род *сохалир*, венгерские *се-келер*, племя *сагайцев*, качинский род *соххы*, *сахалары*, кумандинский род *соки*, тюркское племя *сакаитов*, керейтское племя *сахазт*, калмыцкий род *соха-сохад* – все эти этнические самоназвания, где прослеживается наличие близких вариантов корней *сах/сайх/сак/шак/саг/сок/сох*, возможно, являются производными от глубинной основы слова *сах* в значении человек. Заметим, что многочисленные схождения с корнем *сах* отмечаются и в топонимике.

В исследуемой эпической формуле числительные *үс* «три» и *түөрт* «четыре», наделены сакральной символикой. Внутренней, качественной сутью натурального ряда чисел, мудрецы древности представляли в виде определенных ступеней постепенного развертывания состояния мира. По замечаниям Е.П. Блаватской, мир имеет символический язык с числовыми ключами, числа в каждом архаическом тексте используются для выражения мысли, в частности, числа 3 и 4 отражают всемирные символы мужского и женского начала в качестве первого аспекта раскрывающегося Божества [1, с. 396-400]. У Л.Л. Габышевой находим, что вообще якутским материалам фольклора присуща трактовка оппозиции три-четыре в качестве указания на мужское и женское начала [2, с. 82]. Пифагорейцы данную бинарную оппозицию в виде четанечета относили к началам всего сущего. Само свойство или операция деления, что любое нечетное число никогда не делится на две равные части ($3=2+1$), а любое четное число всегда делится на две четные ($4=2+2$) либо нечетные части ($4=3+1$), предопределило соотношение нечетных чисел к определенному мужскому началу, четных чисел к неопределенному женскому началу, причем величина постоянная (мужская) всегда имела приоритет перед величиной меняющейся (женской). Вопрос соотношения чисел 3 и 4 Е.П. Блаватская рассматривала как соотношение Духа и Материи, где духовная мужская линия всегда вертикальна, а материальная

женская линия всегда горизонтальна. Отсюда и понятно, когда речь идет о главных параметрах макрокосма, почему вертикальное членение реализуется через число 3, а горизонтальное – через число 4, в виде системы бинарных оппозиций, описывающих мир. Основательно суждение о связи чисел с мужским и женским началом в фольклорных текстах Л.Л. Габышевой, где автор привлекает множество примеров различных вариантов обыгрываний этой связи (в шаманских мистериях, ритуальных действиях, постоянных формульных эпитетах *олонхо*) [2, с. 34-57].

Таким образом, устная память формулы хранит и транслирует «архивированное» важное сведение о природе человеческой натуры. Эпическая формула со «свернутой» информацией *үс саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ* «когда три якута еще не явились на свет, четыре якута еще не родились» в развернутом виде репрезентируется как то далекое мифологическое время, «когда человек-мужчина и человек-женщина еще не родились» («когда человечество еще не родилось»), где скрытый в слове «саха» потенциальный смысл, восходящий к особенностям мифологического пра-логического (Л. Леви-Брюль) сознания, означает «мыслящее живое существо», по-другому «человек». Такое позиционирование метаязыка формулы отсылает к идее переоценки мифологических представлений, бытующих в недрах *олонхо*, а отсюда и возможного определения его возраста. Ведущие фольклористы признают эпос присущим всем народам, а сказительство – феноменом всего человечества. В *олонхо*, в отличие от других эпосов, народ *саха* в силу известных причин сумел сохранить реликтовые знания, транслируемые с древних эпох. С тех времен, когда именем *саха* был наделен не один этнос, а все человечество. И этот тезис может служить отправной точкой в исследованиях различных направлений.

Литература

1. Блаватская, Е. П. Тайная доктрина. Том I. Часть 2. Отдел II / Е.П. Блаватская. – Москва : Эксмо-Пресс, 2017. – 880 с.
2. Габышева, Л. Л. Функции числительных в мифопоэтических текстах / Л.Л. Габышева // Язык – миф – культура народов Сибири : Межвузовский сб. Вып. 1. – Якутск : Изд-во ЯГУ. 1988. – С. 34-57.

3. Габышева Л.Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов) : дис. ... д. филол. н. / Л.Л. Габышева. – Якутск, 2003. – 493 с.
4. Иванов, М. С. Три...Семь...Девять... / М.С. Иванов. – Якутск : Бичик, 1998. – 192 с.
5. Избекова, Е. И. Числительные в олонхо: структура и семантика / Е.И. Избекова. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. – 152 с.
6. Кулаковский, А. Е. Научные труды / А.Е. Кулаковский. – Якутск : Книжное изд-во, 1979. – 484 с.
7. Ксенофонтов, Г. В. Ураангхай – сахалар. Очерки по древней истории якутов. Том 1 / Г.В. Ксенофонтов. – Якутск : Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. – 416 с.
8. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка. Том II-III / Э.К. Пекарский. – Ленинград : Издательство АН СССР, 1959. Т. II – 2010 стлб.; Т. III – 3858 стлб.
9. Сатанар, М. Т. Сакральная символика эпического числительного түөрт «четыре» / М.Т. Сатанар, В.В. Илларионов // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 2(63). – С. 334-337.
10. Сидоров, Е. С. Очерки по олонхо : монография / Е.С. Сидоров. – Якутск : Изд-во Якутского ун-та, 2004. – 132 с.
11. Трощанский, В. Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов / В.Ф. Трощанский. – Казань : Типо-литография Императорского университета, 1902. – 204 с.
12. ТСЯЯ 2011 – Большой толковый словарь якутского языка. В 15 томах. Том VIII / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2011. – 572 с.
13. Чанышев, А. Н. Эгейская предфилософия / А.Н. Чанышев. – Москва : Изд-во Московского университета, 1970. – 240 с.
14. Шахнович, М. И. Первобытная мифология и философия. Предыстория философии / М.И. Шахнович. – Ленинград : Наука, 1971. – 240 с.
15. Цивьян, Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) / Т.В. Цивьян // Типологические исследования по фольклору : сб. ст. памяти В.Я. Проппа. – Москва, 1975. – С. 191-213.
16. Якубовский, А. Я. К вопросу об этногенезе узбекского народа / А.Я. Якубовский. – Ташкент : УлФАН, 1941. – 19 с.

* * *